40 дней

Демьян Семенюк

Демьян Семенюк

40 дней

«Автор»
2026

Семенюк Д. С.

40 дней / Д. С. Семенюк — «Автор», 2026

Кирилл думал, что унаследовал от бабушки обычную старую квартиру. Но вместе с ключами он получил тетрадь с правилами. Семь пунктов, которые нельзя нарушать. Потому что в квартире кто-то есть. Кто-то, кто оставляет на кровати тёплый след и ставит на стол свежую кашу. Оно не злое. Оно просто голодное. И теперь оно знает имя Кирилла. Первая книга цикла «40 дней».

© Семенюк Д. С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Наследство 5
Глава 2 Сестра 7
Глава 3 Блогер 9
Глава 4 Следователь 10
Глава 5 Обои 11

Демьян Семенюк
40 дней

Глава 1 Наследство

Бабушка умерла в четверг, двенадцатого марта. Ночью у неё остановилось сердце. Кирилл узнал об этом от соседки. Он приехал на похороны, бросил горсть земли в яму и поехал к юристу. Юрист сказал: квартира переходит к нему по наследству.

Но было одно «но». Юрист достал серый конверт. На нем было написано: «Кириллу. Лично». Внутри был лист бумаги и старый ключ, обмотанный синей изолентой. Бабушка писала: «Кирюша. Я знаю, что ты захочешь продать квартиру. Но сначала отсиди в ней сорок дней. Один. Никого не приводи. Дверь не запирай на ночь. Еду, которую найдёшь на столе, не выбрасывай, а выноси птицам. И не спи в моей спальне. Спи в большой комнате. В тумбочке у меня тетрадь. Прочитай её в первый же вечер. Всё, что там написано, — не выдумки. Просто сделай, как я прошу».

Кирилл приехал на Рыночную, 5. В подъезде пахло сыростью. На кухне, на столе, стояла тарелка с гречневой кашей. Масло блестело. Он потрогал тарелку — она была тёплой. Он не варил кашу. Он вообще не заходил на кухню. В бабушкиной спальне на покрывале темнело пятно. Кирилл приложил ладонь. Покрывало было тёплым, как человеческое тело. Как будто кто-то только что встал с кровати.

В тумбочке лежала школьная тетрадь. На первой странице были правила:

1. Не садиться на мою кровать. Ни днём, ни ночью.
2. Еду ставить до полуночи. Убирать после рассвета. Не выбрасывать — отдавать птицам.
3. Не отвечать на стук в дверь спальни после полуночи.
4. Не называть вслух имя того, кто жил здесь раньше.
5. Если в одной комнате холодно, а в другой тепло — не переходить из тёплой в холодную.
6. На сороковой день — не открывать.
7. Если нарушил хоть одно — оно узнает, что ты его видишь.

Внизу была приписка: «Оно не злое. Оно голодное. Просто корми и не зови».

Кирилл остался. Ночью он проснулся от холода. В коридоре было морозно, а из спальни шло тепло. Он перешёл в спальню и сел на кровать. Нарушил первое правило. Среди ночи его разбудил стук. Тук. Пауза. Тук. Пауза. Он не ответил. Утром на столе стояли две тарелки. Одна с кашей, вторая пустая — напротив.

Кирилл узнал историю. Нина Петровна получила эту квартиру в шестьдесят восьмом. Она жила здесь одна с сыном Дмитрием. Дома его звали Митей. Мальчик много болел и умер в двадцать три года. Остановилось сердце. Нина Петровна ставила ему еду каждый день. А потом перестала выходить из дома. Её увезли. Квартиру отдали бабушке Кирилла. Бабушка кормила его тридцать восемь лет.

Кирилл вернулся в квартиру. Сел на кухне.

— Митя, — сказал он вслух.

В спальне скрипнула кровать.

Шли дни. Стук повторялся каждую ночь. Голоса менялись. Сначала мальчишеский: «Мам? Это я. Открой». Потом бабушкин: «Кирюша, поешь». На тридцать девятый день в дверь ударило с такой силой, что задребезжала посуда. А потом голос сказал его собственным голосом:

— Кирилл. Открой. Мне холодно.

Кирилл просидел до рассвета. Он открыл дверь спальни. Кровать была пуста. На тумбочке лежала тетрадь. Открытая на последней странице. Там было написано: «Спасибо, что покормил. Теперь я знаю, как тебя зовут».

Кирилл уехал. Но и в другом городе на столе появилась каша. Ночью кто-то стучал в дверь. Он позвонил тёте Вале. Она сказала: «Ты его назвал. Вернись и отдай ему то, что оно просит». Кирилл вернулся на сорок первый день. Он сел за стол и съел кашу. Он сказал: «Я останусь. Я буду ставить еду. Но ты не будешь стучать».

Через полгода тётя Валя спросила: «Продал квартиру?». Кирилл ответил: «Привык». Зимой из-за его двери раздался скрип и мальчишеский голос: «Мам? Это я. Открой». Весной в квартире сменили замок. Кирилл уехал. В квартире на столе осталась тарелка с кашей. А в тетради появился новый, восьмой пункт: «Если услышишь, как оно зовёт тебя по имени, — не отвечай. Оно уже не голодное. Оно учится». А внизу, мелко, будто дописано другой рукой: «Кирюша, поешь».

Глава 2 Сестра

Семнадцатилетняя Лиза не верила в бога, в приметы и в чушь про призраков. Она верила в факты, в айфон и в то, что её старший брат Кирилл — инфантильный идиот, который не отвечает на звонки уже третьи сутки. Она приехала в старую пятиэтажку на Рыночной, когда тётя Валя — соседка — позвонила ей: «Лизонька, а Кирилл-то твой из квартиры не выходит. Замок поменял, на звонки не отвечает».

Лиза взбежала на третий этаж. Дверь была заперта. Она достала связку ключей (бабушка оставила запасные) и попробовала открыть. Замок не поддался. Кто-то действительно поменял личинку.

— Кир, открывай! Это я, Лиза! — Она забарабанила в дверь. — Хватит дурака валять!

За дверью было тихо. Только из подъезда капала вода: кап. кап. кап.

Лиза разозлилась. Она вызвала слесаря, заплатила ему двойную цену, и через двадцать минут дверь была вскрыта. В квартире пахло валерьянкой и чем-то странным, сладковатым. На кухне, на столе, стояла тарелка с гречневой кашей. Свежей. Лиза потрогала её — тёплая. На столе лежала тетрадь. Школьная, в клеёнчатой обложке. Лиза открыла её.

Она прочитала правила. Все восемь пунктов. И усмехнулась.

— Серьёзно? «Оно не злое, оно голодное»? Кир, ты совсем кукухой поехал от одиночества?

Она прошла в большую комнату. Диван разложен, айфон Кирилла лежит на подушке. Экран разбит, батарея села в ноль. Лиза подключила его к зарядке. Телефон включился, но связи не было — сети не было вообще. Хотя на улице ловило 4G. Лиза вернулась на кухню. Села за стол, пододвинула тарелку с кашей и…

— Тук.

Она замерла. Звук доносился из спальни.

— Тук. Пауза. Тук.

Лиза вздохнула. Она не боялась. Она была из тех девочек, кто сам может дать сдачи. Она встала и направилась в спальню. Кровать была аккуратно застелена. Подушка взбита. Лиза приложила ладонь к покрывалу. Оно было тёплым. Даже горячим. Как будто на нём только что лежал человек.

Она села на кровать. Тут же свет мигнул. И в коридоре стало очень холодно. Лиза выдохнула, и изо рта пошёл пар.

— Лиза...

Голос был тихий, до боли знакомый. Голос её мамы. Мамы, которая умерла три года назад.

— Лизонька. Доченька. Мне так холодно. Открой дверь, я тут.

Лиза застыла. По её щекам потекли слёзы. Это был не просто голос. Это была интонация, это было дыхание. Мама.

— Мам? — прошептала Лиза. — Это ты?

— Я, солнышко. Тут темно. Он не пускает меня. Покорми его, и он меня отпустит.

Лиза посмотрела на дверь. За ней была темнота. Она протянула руку к ручке, но остановилась. Её взгляд упал на тетрадь. На восьмой пункт: «Оно учится». Лиза была дерзкой, но не глупой. Мама умерла в больнице. Она не могла быть здесь.

— Ты не мама, — сказала Лиза, и голос её сорвался. — Мама умерла.

За дверью повисла тишина. Потом голос заговорил снова. Но теперь это был голос Кирилла. Искажённый, будто он говорил через воду.

— Лиза. Ты же видишь, что я тут. Открой. Оно учится. Оно уже знает, как ты выглядишь.

Лиза отпрянула. Она схватила тетрадь, рюкзак и выбежала из квартиры, хлопнув дверью. Она бежала вниз по лестнице, пока не оказалась на улице. Она сняла квартиру на другом конце города. Сменила номер. Но каждую ночь, засыпая, она слышала тихий стук в дверь своей комнаты. А через полгода, накрывая на стол, она вдруг поняла, что поставила вторую тарелку. Просто так. Для кого-то.

Глава 3 Блогер

Артём был популярным стримером. Он снимал ролики про заброшенные места, мистику и городские легенды. Его девиз был: «Нет ничего страшнее, чем скучный контент». Квартиру на Рыночной, 5, ему посоветовали подписчики. Мол, там пропадают люди. Сначала какой-то парень, потом его сестра. Артём арендовал её на сутки за смешные деньги. Он взял с собой три камеры, ночной режим и термос с кофе.

В первый час ничего не произошло. Артём ходил по квартире, снимал старый сервант, ковёр с оленями и заляпанную плиту. Он смеялся и рассказывал, что это «идеальная декорация для фильма ужасов». Потом он нашёл тетрадь. Прочитал правила вслух, на камеру.

— Так, ребята. Тут написано: «Не называть вслух имя». Ну что, проверим? Митя! Митя! Митя! — Артём засмеялся. — Смотрите, никого нет. Выдумки.

Свет мигнул. Артём не придал этому значения — старые пробки. Он поставил телефон на штатив и пошёл в спальню, чтобы снять «жуткую кровать». Камера зафиксировала это. На записи было видно, как Артём заходит в спальню. А через секунду позади него, в проёме двери, появляется тёмный силуэт. Огромный. Сгорбленный. Силуэт медленно поднимает руку и кладёт её Артёму на плечо. Артём обернулся. В его глазах был такой ужас, что даже объектив камеры, казалось, дрогнул.

Через час стрим включился сам. Артём сидел на кухне, за столом. Он выглядел бледным и очень спокойным. Слишком спокойным. Перед ним стояла тарелка с кашей.

— Ребята, — сказал он в камеру. — Я понял. Оно не злое. Оно просто не хочет быть одно.

В чате подписчики писали: «Артём, ты чего?», «Это пранк?», «Что за тарелка?». Артём взял ложку и начал есть. Медленно. Он смотрел прямо в объектив. И улыбался.

— Оно теперь знает, как меня зовут. Оно теперь знает, как зовут вас. Не говорите своих имён в этой квартире.

Стрим прервался. Оборвался на полуслове. Когда полиция вскрыла квартиру, Артёма там не было. Камеры стояли на местах, объективы были разбиты. На столе лежала пустая тарелка. А на стене кровью (или тем, что было похоже на кровь) были выведены правила. И девятый пункт, написанный корявым почерком Артёма: «Не приводите сюда других. Оно учится через вас».

Глава 4 Следователь

Следователь Соколов открыл папку. Дело о пропаже трёх человек по одному адресу: Рыночная, 5, кв. 12. Кирилл, Лиза, Артём. Никаких следов. Никаких тел. Только тетрадь с правилами. Соколов был старым опером. Он не верил в чушь. Он верил в улики. И улики говорили о том, что все трое просто сошли с ума и сбежали. Но куда? У Лизы были билеты в другой город, но она так и не доехала. У Артёма в квартире осталась техника, которую он никогда бы не бросил.

Соколов приехал в квартиру сам. Здесь всё ещё пахло валерьянкой. Он прошёл в спальню. Кровать была застелена. Соколов приложил ладонь к покрывалу. Тёплое. Слишком тёплое. Он открыл тумбочку. Там лежали три тетради. Первая — старая, советская, с правилами Нины Петровны. Вторая — с правилами бабушки. Третья — с правилами Кирилла, Лизы и Артёма.

Соколов прочитал их все. Потом достал свою ручку и дописал десятый пункт: «Если следователь пришёл в эту квартиру, значит, оно уже знает его имя».

— Тук.

Соколов обернулся. В дверях спальни никого не было. Но в коридоре было очень холодно. И на кухне кто-то тихо скреб ложкой по дну тарелки.

Соколов не стал вызывать подмогу. Он знал, что это не поможет. Он вышел на кухню. На столе стояла тарелка с кашей. За столом, в темноте, сидел человек. Когда Соколов подошёл ближе, он узнал его. Это был Кирилл. Он был бледным, исхудавшим. Его глаза были широко открыты, но он не моргал.

— Кирилл? — позвал Соколов.

Кирилл не ответил. Он поднял ложку и протянул её Соколову.

— Поешь.

Соколов посмотрел на кашу. Он не был голоден. Но он взял ложку. Потому что если ты сидишь за одним столом с голодным, ты должен разделить с ним трапезу. Таковы правила. Он съел одну ложку. Потом вторую. Потом третью.

Когда тарелка опустела, Кирилл улыбнулся.

— Теперь нас четверо. Оно будет сыто.

Соколов попытался встать, но тело не слушалось. Он сел на стул. Он почувствовал, как леденящий холод поднимается по его ногам, сковывая движения. Он больше не мог пошевелиться. Он просто сидел и смотрел в стену. А Кирилл встал из-за стола, застелил кровать в спальне и вышел из квартиры, аккуратно закрыв за собой дверь.

Тётю Валю нашли через неделю. Она сидела на лестнице и смотрела в стену. Врачи сказали — помутнение рассудка. Она повторяла только одну фразу: «Оно наелось. Теперь оно будет спать». Дом на Рыночной, 5, расселили через год. Квартиру двенадцать заколотили досками. Но соседи из дома напротив иногда по ночам видят, как на третьем этаже горит свет.

Глава 5 Обои

Влад был рабочим. Завтра в полдень старую пятиэтажку на Рыночной, 5, должны были взорвать. Сегодня ему поручили последнюю проверку — убедиться, что внутри никого нет и нет утечки газа. Влад взял фонарь, монтировку и поднялся на третий этаж.

Дверь двенадцатой квартиры была заколочена досками. Влад сорвал их. Замок поддался легко, и дверь открылась с тяжелым скрипом. Из темноты пахнуло сыростью, старой пылью и сладковатым запахом засохших цветов.

Внутри было тихо. Слишком тихо. Не было слышно ни ветра, ни шума машин с улицы. Казалось, эта квартира поглотила все звуки.

Влад прошел на кухню. На столе стояла тарелка с гречневой кашей. Масло на ней блестело. Влад потрогал тарелку. Она была теплой. На столе лежали четыре школьные тетради. Влад открыл первую. Это были правила. Он прочитал их все. Открыл вторую тетрадь, третью, четвертую. Записи Кирилла, Лизы, блогера Артёма и следователя. Влад знал про них из новостей — они все пропали здесь год назад. Он читал про то, как они исчезали, как слышали голоса, как ставили еду. Но ни в одной тетради не было написано, куда именно они делись.

Влад прошел в спальню. Кровать была застелена. Над кроватью висели старые обои в мелкий цветочек. Влад приложил к ним ладонь. Обои были горячими. Как человеческое тело. Он приложил к стене ухо.

Сначала он услышал тихий шелест. Будто тысячи маленьких насекомых ползли внутри стены. А потом он услышал голоса. Они звучали не в комнате, а прямо из стены.

— Митя... — тихо сказал женский голос. — Митя, поешь.

— Мам? Это я. Открой, — ответил детский голос.

— Кирюша, я здесь, — прошептал другой голос. Голос бабушки.

— Я слышу вас, — прошептал голос Лизы.

— Оно теперь знает, как меня зовут, — прозвучал голос Артёма.

Влад отшатнулся. Он смотрел на обои. В углу, где краска пожелтела, он заметил темное пятно. Оно пульсировало, как вена. Влад подошел ближе и посветил фонариком. Пятно было похоже на лицо. Искаженное, прижатое к обоям изнутри. Лицо следователя Соколова.

Стена вздрогнула. Сначала одна. Потом вторая. Потом весь коридор. Квартира начала медленно сжиматься, как огромная грудная клетка, делающая вдох.

Влад бросился к двери. Но двери больше не было. Там, где еще минуту назад был выход в подъезд, теперь была лишь ровная, теплая и пульсирующая стена с желтыми обоями.

— Ты пришел покормить нас? — раздался голос из-за спины.

Влад обернулся. На кухне стоял человек. Это был Кирилл. Он был бледным, с темными кругами под глазами, но он улыбался. Он поглаживал стену, и та вздрагивала от его прикосновений.

— Оно не убивает, Влад, — сказал Кирилл. — Оно не злое. Оно просто очень голодное. Оно собирает нас. Мы внутри. Там тепло.

Влад понял, что это не призрак и не сущность. Это ловушка. Дом на Рыночной, 5, был живым. Он был рожден из отчаяния Нины Петровны, которая слишком долго ждала своего мертвого сына. Ее горе было таким сильным, что пропитало стены. Оно создало здесь жизнь. Оно создало «желудок», который переваривал человеческое одиночество. Люди не исчезали. Они прорастали в обои, становились частью дома. Их тела срастались с кирпичом, их голоса оставались в проводах, а их имена становились новыми правилами.

Правила были нужны не для того, чтобы спастись. Правила были нужны, чтобы квартира не съела тебя слишком быстро. Чтобы ты успел привыкнуть. Чтобы ты начал ставить тарелки. Чтобы ты полюбил это место. А потом ты становился его частью.

Влад закричал и ударил монтировкой по стене. Обои лопнули. Оттуда брызнуло что-то теплое и липкое. Влад заглянул в дыру. Там не было кирпичей. Там было что-то живое, пульсирующее, переплетенное из человеческих рук, ног и лиц. Они все смотрели на него. И они улыбались.

— Добро пожаловать, — сказали они хором.

В 2026 году дом на Рыночной, 5, был взорван. На его месте построили новый, современный жилой комплекс с панорамными окнами и подземным паркингом.

Влад выжил. Он успел выбежать за секунду до того, как стены сомкнулись. Но он не остался в городе. Он уехал далеко, сменил имя. Но каждую ночь, засыпая, он слышал тихий стук в дверь своей комнаты.

А через полгода, накрывая на стол, он вдруг понял, что поставил вторую тарелку. Просто так. Для кого-то. И на столе, прямо из воздуха, появилась гречневая каша. Масло на ней блестело.

Оно нашло его. Оно всегда находит тех, кто его увидел.

Я записал эту историю, чтобы предупредить. Меня зовут Демьян Семенюк. Мне 13 лет. Я пишу это на последней странице тетради. Пожалуйста, если вы читаете это, никогда не покупайте квартиры в старых домах. И если услышите, как кто-то скребет по стене, не отвечайте. Оно уже не голодное. Оно просто ищет нового хозяина.